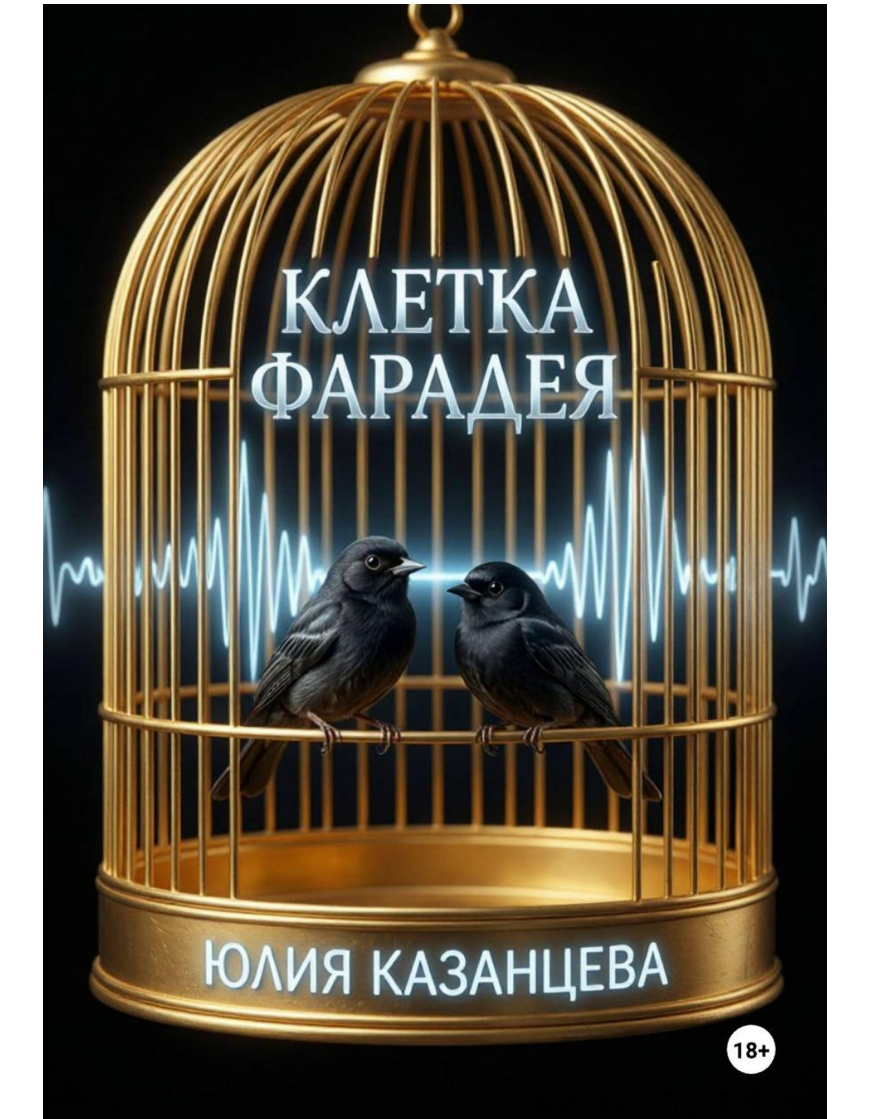

КЛЕТКА ФАРАДЕЯ

ЮЛИЯ КАЗАНЦЕВА

18+

Юлия Казанцева

Клетка Фарадея

<https://litres.ru/74245067>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Клетка Фарадея» — это психологический триллер на стыке нейрофикшн и дарк-романа, где любовь рождается из боли, а тело становится клеткой, из которой нет выхода.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3.	21

Юлия Казанцева

Клетка Фарадея

Глава 1

Сознание возвращалось медленно и рывками. Глаза полоснул яркий свет, она закрыла их. Мгновение темноты. Снова открыла. Глаза жгло от света, но постепенно боль отпускала. Потолок. Стена. Снова темнота - сознание уплыло - и снова потолок - сознание вернулось. Медленно возвращались другие ощущения: она лежит. На полу. Руки и ноги болят, как после аварии. Хорошая новость: они есть. Где-то в районе живота пульсировала другая боль - как от пореза, но она была далёкой, словно этой боли уже несколько дней. Она не помнила, как это случилось. Ломило шею от долгого лежания на жёстком полу.

Обои на стене настойчиво притягивали взгляд. Светло-синие с серебряными полосами. "Безвкусица" - равнодушно подумалось ей. Потом вспомнилось - строительный рынок, она спорит с каким-то мужчиной, что это стильно и неброско, против его ярких треугольников на сером фоне. Мужчина... Его голос в воспоминании показался смутно знакомым, как будто она слышала его много лет назад, но почему-то таким родным. Муж? Она была замужем? На рынке она по-

казывала ему на эти обои правой рукой, и на пальце было кольцо. Она была замужем. В воспоминание вплелось другое видение - другой мужчина, они занимаются сексом на полу в комнате, залитой ярким белым светом, гудит трансформатор, и ощущение, что только так правильно. Только так. Она не знала, что именно "так", но чувствовала, что это - единственный способ дышать. Мужчина глухо стонал, и его стоны казались такими же родными, как голос мужчины из воспоминания о покупке обоев. Стоп. Он не похож на мужа. А муж? А как зовут ее мужа?

Ей стало дурно от этих мыслей. Нет, это тупик. Снова посмотрела на обои - это зрелище приносило некоторое успокоение. Задержалась на них глазами, нахмурилась. Дошло: она их покупала, значит, это её квартира, она дома.

Дома. Слово казалось нереальным. В голове крутились обрывки воспоминаний: муж, которого она не помнила. И тот мужчина - мысли о нем пробуждали внизу живота нечто ужасающее. Необычное. То, от чего хотелось выть - и стонать. Яркий белый свет и холод бетонного пола под ее спиной. И строительный рынок, залитый солнцем, и блестящее на солнце золотое обручальное кольцо.

Из груди вырвался звук. Не всхлип - что-то надрывное. Глаза защипало от слез. Темнота, пугающая и манящая одновременно, накрыла ее. Она не плакала, она выла. От страха и боли. От жалости к себе. От того, что она разрушена. Тогда, на рынке - солнце. Муж. Кольцо. Это больше не имело

значения. Или она хотела, чтобы не имело? И потом (она не помнила, где) - искусственный белый свет, холодный бетон, бесконечный гул трансформатора и страсть, как электрический разряд. Единственное, чем она была жива. Она оплакивала утрату - не мужа, не рынка, не обоев, а самой себя. Это воспоминание - о другом мужчине - пробуждало в ней жгучий голод, и она ненавидела себя за это. И плакала. Надрывно. Горько. До хрипоты.

Она плакала до полного изнеможения. Пока не отключилась. Следующее пробуждение было резким, как выныривают из воды. Истерика кончилась. Осталась холодная сосредоточенность. Эмоции ушли, и это было хорошо - теперь ей предстояло осмотреть свое тело.

Она подняла руку к глазам. Было темно. Шрамы белели на коже, как чужие. Губы дернулись - отголосок недавней истерики. Вдох. Выдох. Снова вдох. Не плакать. Выдох. Не поможет. Вдох. Соберись. Выдох. Она опустила руку на свой живот. Это сейчас беспокоило ее больше всего. Рана саднила. Пальцы нащупали влажную повязку. Так ничего не понять. Ей придется встать на ноги.

Она впервые пошевелила ногами. Они слушались. Это было хорошо. Это было что-то. Повернула голову вбок - ножки кровати, под кроватью слои пыли. С другой стороны стена и те же обои. Каруселью пронеслись воспоминания. Муж. Тот. Ток. Гул. Губы снова дернулись. Вдох. Успокойся. Выдох. Не сейчас. Вдох. Нужно встать. Выдох.

Она повернулась на бок. Живот резануло болью. Подтянула колени. Встала на четвереньки. Мир пошатнулся. Подступила тошнота. В ушах гудение проклятого трансформатора. Дала себе время. Вдох. Дыши. Выдох. Открой глаза. Вдох.

Воспоминание: разряд тока по спине. Она упала с четверенек на пол. Рассекла бровь об бетон. Застонала. Грубо подмял под себя. Вошёл. Экстаз. Ток. Снова экстаз. Снова ток.

Вернулась в себя. В сейчас. Лежала на животе, видимо, упала. Дрожь в теле. Тяжёлое дыхание, как после бега. Или... Секса? Она судорожно сглотнула. Это ненормально. Так не должно быть. Что, черт возьми, происходит?

Задача подняться начинала казаться невыполнимой. Ей казалось, что, как только она встанет на четвереньки, воспоминание вернётся. Она лежала на животе и думала.

Воспоминание пугало её. Не болью. Не страхом. Не властью. Оно нравилось ей. Она не хотела отпускать его: снова и снова возвращалась туда и испытывала это неправильное наслаждение. Так не правильно. Так нельзя. Но ей ТАК нравилось. Именно ТАК (ремарка: в тексте будет курсив вместо капса). Она пыталась вспомнить мужа. Было ли ТАК с ним? Она не помнила. Но что-то внутри подсказывало: нет. Никогда. Ни разу в жизни.

Мысли плавали в этом воспоминании. Тело помнило его. Его движения. Его руки на ней. Тяжесть его тела. Его стоны. Её стоны. Все, что у нее было - это воспоминание. Неправильное. Жестокое. Кровавое. Но такое желанное.

Она боялась, что воспоминание вернётся, стоит только встать на четвереньки. Оно нравилось ей, и она испытала бы его снова. Несмотря на страх. Несмотря на отвращение. Но ей было необходимо встать. Она лежала на животе и рана гудела болью, как ненавистный трансформатор. Повязка была влажная, и она не знала: от пота или от крови.

Повернулась на бок. Села. Оперлась на кровать. Встала на колени. Руки дрожали, в глазах потемнело. Она не знала, как давно не поднималась с пола.

Дыши. Вдох. Соберись. Выдох. Ты можешь. Вдох. Давай. Выдох.

Опираясь руками на кровать, она медленно поднялась на ноги. Её качнуло, но она удержалась. Ноги не слушались. Во всем теле была тошнотворная слабость. Медленно, шаг за шагом, хватаясь руками за все, что было в зоне досягаемости, она дошла до двери. Замерла. Попыталась прислушаться. Ненавистный гул мешал сосредоточиться. На секунду она поддалась слабости - губы задрожали. "Этот проклятый трансформатор... Он всегда будет со мной?"

И снова вдох. Успокойся. Выдох. Нужно осмотреть рану. Вдох.

Она глотала рвущийся из груди вой. Он душил ее. Не сейчас. Не время. Не поможет. Нельзя.

Она открыла дверь и вышла в коридор. Было темно и пахло затхлостью. Она не могла останавливаться. Паника подгоняла ее. Она держала руку на ране и ощущала проступаю-

щую сквозь ткань горячую влагу.

Она пошла вдоль стены, держась за нее. Свет включать не стала - не до него. Усилие - шаг. Еще усилие - еще шаг. Через боль.

Ванная. Она открыла дверь. Пахнуло сыростью. Нашупала на стене выключатель. Тусклый свет озарил запустение. Ударил в глаза, но она не обратила внимания. Ржавые пятна вокруг сливов. Грязный унитаз с потеками. Краны покрылись налетом. Подняла глаза в помутневшее зеркало. Себя почти не различила. Плевать. Не для этого здесь.

Она достала ножницы из ящика. Не глядя, на автомате. Сняла с крючка два полотенца. Сползла по стене на пол. Уперлась затылком в холодную стену. На секунду закрыла глаза. Она медлила. Она боялась открывать эту рану. Но кровь не оставляла времени разбираться.

Она резала майку, и с каждым надрезом внутри нарастала дрожь.

Под майкой был лоскут когда-то белой ткани. А теперь: серый, красный, бурый. Грязь. Свежая кровь. Спекшаяся кровь. Дрожащей рукой она сняла повязку. Бросила ее на пол. Уставилась на порез. Он был глубокий и ровный. Его алая глубина завораживала ее. Притягивала. Манила. Повинуясь порыву, она провела пальцем прямо по разрезу.

Острая, как нож, боль пронзила тело. Сердце в груди грохнуло о ребра. Мозг принял сигнал и отправил его в низ живота с такой силой, что она захлебнулась воздухом. А следом

ее накрыла волна воспоминания.

Моноotonно гудит трансформатор.

Он на ней. Он в ней. Экстаз. ТАК правильно. Он двигается ритмично. Быстро. Она держит его темп. Это ее темп тоже. Она научилась. Он стонет, и она вместе с ним. В унисон. Один ритм на двоих. Движений. Стонов. Сердец. Это высшее наслаждение. Лучшее из ощущений. На их руках кровь, но она не волнует их. Только они.

Они убили. Руки в крови. Потому что так правильно. Потому что после убийства наступает экстаз. После убийства они принадлежат друг другу до конца. Это их прелюдия.

Когда он в ней, пытки кончаются.

Они поглощены друг другом. Они не ощущают мир вокруг.

Мир разбился вдребезги, когда его не стало в ней. Гул трансформатора стал оглушительным. Чужие руки грубо стащили его с нее. Раньше их никогда не прерывали - это было правило. Он сопротивлялся. Она увидела ужас в его глазах.

-Нет. Нет, нет, не надо, пожалуйста, не забирайте его!

Растерянность перешла в разрывающий душу ужас. Она рванулась за ним. Ее отбросили, как тряпку. Пол. Бетон. Боль.

-Нет! Не надо, умоляю!

Вой. Ее вой. Они уводят его.

-Артем! Артем! Нет! Не надо, я умоляю, не надо, верните

его! Артем! Артем!

Он рвался в руках, как зверь в клетке.

Нож. Тот, которым они убили. Нет выхода. Паника зато-пила ее - жаркая, как кровь.

Она взяла нож.

-Артем!

Она крикнула во всю силу. Он смотрел на нее.

-Лена! Нет! Не делай этого! Лена! Лена! Пустите! Нет!
Верните мне ее! Лена! Лена!

Она знала, что он придет только так. Не думая. Не осозная. Полоснула себя ножом по животу. Глубоко. Больно. Упала на колени.

Он увидел нож и кровь. Рванулся так, что его не смогли удержать.

-Лена!

Она рванулась к нему. Но не успела. Чужие руки увели его.

-Артем! Артем! Артем!

Она пришла в себя от собственного крика. Отняла руку от раны и поняла, что все это время давила на нее. По животу текла кровь. Машинально прижала к ране полотенце. В голове было только одно: Артём.

-Артём, - тихо позвала Лена, - Артём!

И отключилась.

"Лена!"

Она открыла глаза на его зов. Морок растаял. Она лежа-

ла на полу в ванной. В руке полотенце. Шок после боли и воспоминания постепенно отпускал. Тело мучительно сладко ныло, требуя его. Артема. Теперь она вспомнила его. И то, что их связывало. К глазам подступили слезы. Не может быть. Она отказывалась в это верить. Лучше бы она там умерла, чем теперь жить с тем, что от нее осталось. Ей захотелось разорвать себя за края своей раны. Вырвать из себя свое отравленное нутро. Тело при мысли об Артёме пропускало через себя ток желания. Она завывала. Колотила руками по кафелю, которому было не понять ее горя. Корчилась на полу, как раненое животное. "Я и есть раненое животное" - подумалось ей сквозь рыдания. Лучше умереть. Умереть, чтобы не жить так. Она дотянулась до ножниц. Сжала их в руке. Приставила к своему животу. И не смогла. Она в ярости вонзила ножницы в пол. Раз. Другой. Третий. Звон металла об кафель приносил яростное удовлетворение. Кафель раскалывался от ударов, как она сама раскололась. На кусочки. На осколки. В пыль.

Рука обессиленно упала. Ножницы выскользнули из пальцев. Она успокоилась внезапно. Отстранилась от самой себя.словно со стороны наблюдала, как лежит на полу. Как опирается на руки. Поднимается с пола. Встаёт. Наблюдала, как ее тело, больше не принадлежащее ей, выгибается при мысли об Артёме. При мысли о том, как пытка заканчивается.

Как в замедленном кадре, смотрела, как пальцы, скользкие от слез и крови, цеплялись за кран, как вода омывала

кожу.

Прикосновение холодной воды к лицу вернуло ее в себя. Голова кружилась после истерики. Горечь осознания навсегда осела где-то в глубине горла. Она смотрела на синие вены на своих запястьях, представляла, как из них в последний раз вытекает кровь. Но знала, что не сделает этого.

Глава 2

Артём сидел в своей квартире, прижавшись спиной к стене. Он не помнил, как попал сюда, но сейчас это было не важно. Руки дрожали так, что он не мог сжать их в кулаки. Сердце билось в бешеном ритме. Дыхание было быстрым, поверхностным. Действие налоксона закончилось. Он знал, что так будет. Его врачебный ум понимал все, что с ним происходило. Но это не помогало. Разум метался, как птица в клетке. Тело сотрясали спазмы мышц. Он не кричал, не плакал. Он скулил от невыносимого голода по ней. Разумом он понимал, что не хочет. Понимал, что не любит. Понимал, что это неправильно. Но его тело ему больше не принадлежало. Он закрыл глаза и снова увидел Лену. Она лежала перед ним. Серые глаза, полные боли, красные от слез. Рот кривился от рыданий. Тело пронзила очередная волна жажды. Он в ужасе открыл глаза. Он не хотел хотеть этого. Он не хотел, чтобы его возбуждали ее боль и страх. Он сорвался в крик, вскочил - и начал крушить все, что попадалось под руку. Он не чувствовал боли, ломая мебель. Не чувствовал крови на своих руках, когда крошил ими стекло. Как раненый зверь, метался по комнате в агонии, пока его тело посылало мучительные импульсы. Он хотел убежать от них. Разрушить их. Но пока они разрушали его. Когда крушить было больше нечего, он замер. В бессилии рухнул на пол, сжался,

закрыв голову руками и зарыдал. Горько, громко, надрывно. В голос. Под закрытыми глазами была она. Звала его, просила, умоляла, чтобы он закончил ее пытку. Он рыдал так, что не мог дышать. Кто закончит его пытку? Кто вырежет это страшное желание из его сознания? Он лежал на полу. Истерика лишила его сил, опустошила. Но так было даже лучше. Тело изводило его, предавая. Сейчас у него не было сил сопротивляться. Он смотрел на образ Лены, выжженный на сетчатке, и шептал ее имя. Он понимал, что ее здесь нет. Но не мог остановиться. Шептал его, как заклинание, которое должно было помочь, но не помогало. Тело не успокивалось, и он знал, что не успокоится. Он так хорошо знал, что с ними сделали, что одного этого знания хватало, чтобы сойти с ума. И он сошел бы, если бы мог. В голове крутились фразы из статьи, которую он сам писал когда-то. "Киндлинг - это феномен, при котором повторяющаяся субпороговая стимуляция лимбических структур приводит к необратимому снижению порога судорожной готовности..." Он слышал свой голос, не тот, которым он звал Лену, а спокойный и профессиональный, которым он объяснял своим пациентам, как работает их мозг. "Изменения, вызванные киндлингом, имеют структурный характер и сохраняются после прекращения стимуляции..." Он знал, что это правда. Как врач, он не мог врать самому себе. То, что с ними сделали, нельзя исправить. "Патологические рефлекторные дуги могут формироваться в миндалевидном теле и островковой коре, замыкая эмоциональные

реакции на субсенсорные стимулы."Он закрыл глаза. Снова увидел образ Лены. Она теперь всегда будет здесь, с ним, ждать, как только он закроет глаза. Он знал это, как никто другой. Киндлинг необратим. Коснулся пальцами шрама от операции на своей голове. Он догадывался, что им установили импланты. Он даже знал, какие. Он сам написал о них в той же статье. NeuroPace. Ужас осознания грозил похоронить его под обломками его же собственного рассудка. Он закрыл глаза - там Лена, единственная, кто может принести ему покой и облегчение. Такая же, как он. Сломанная. Ему придется найти ее или умереть. Другого выхода нет. Даже если убрать имплант, последствия все равно необратимы. Это ничего не изменит. Его разум содрогался от мысли, что его разрушило то, чему он был предан до конца. Только у врача хватило бы знаний на такое. Больного, ненормального, безумного врача. Нормальный человек не поступил бы так с ними. Но зачем ему это? Зачем было отпускать их? Чтобы мучить? Артёму казалось, что разгадка где-то рядом, он просто не может нашарить ее в темноте. Налоксон. "Это антагонист опиоидных рецепторов", - услышал он свой голос из прошлого. "Он блокирует рецепторы эндорфинов." Он понял, почему ему вкололи именно налоксон. Тот, кто сделал это с ними, хотел, чтобы он так мучился. Он вспомнил, как его оторвали от нее. Перед глазами замелькали образы. Его мозг послал оглушительный импульс в низ живота. Дыхание сбилось. Он как наяву слышал ее рыдания. Он ощущал те-

лом ее страх и боль, когда ее голую как куклу швырнули на бетон. Он ненавидел себя за то, как его тело реагировало на эти видения. Он хотел ее, безумно хотел, настолько, что готов был порвать на кусочки тех, кто забрал ее у него. И безумно хотел больше никогда этого не хотеть. Он заплакал. Горячие, обжигающие слезы выступили на глаза. И теперь он оплакивал все то, что потерял. Себя как личность, как врача, как профессионала. Он потерял и свое тело. Потерял свою человечность. Он нарушил клятву "не убий", потому что он убивал. Как марионетка, как дрессированная обезьянка, чтобы получить награду - Лену и оглушительный оргазм. Лену, которая тоже не хотела этого. Которая тоже хотела не хотеть. Которую сломали так же, как и его. Отняли у нее тело, душу, человечность. Он плакал, и слезы не приносили облегчения. Тело пульсировало, издеваясь над ним. Ему слышался смех маньяка, словно он смеялся над его чувствами. "Хороший жеребец, жаль будет, если он сдохнет. Так что ты уж постарайся, девочка, порадуй меня, и я не убью его сегодня". Хотел. Удар током." Артём сжался в клубок, закрыл голову руками, словно прячась от этого смеха. Он силился убежать от этого, но из своей головы не убежишь. Слезы кончились. Он больше не мог плакать. Да и что толку? Слезы тут точно не помогут. Впрочем, им ничто не поможет. Это он уже понял и больше не хотел об этом думать. Его перспективы сводились только к двум вариантам: покончить с собой или жить с тем, что от него осталось. Он не хотел убивать. Не хотел му-

читать Лёну. Не хотел мучить себя. Он врач. У него есть принципы. Он на секунду представил, как стреляет себе в голову. Сердце сжалось от страха. Нет. У него были принципы... Он не хотел умирать, он боялся смерти, даже сейчас смерть представлялась ему ужасной. "На самоубийство нужно мужество." - прозвучал его спокойный голос из прошлого в голове. - "если нет мужества убить себя, то нужно полностью утратить вкус жизни." Мужества у него не было. А вкус жизни - он подумал о Лёне - был. Неправильный. Извращенный. Чужой. Артём не выбирал это. Не просил об этом. "Обстоятельство непреодолимой силы" - что-то из юридического. Он уже знал, что выберет. Даже монетку бросать не надо. Он слишком боялся смерти. Лежать дальше было невыносимо. Истерика кончилась, слезы иссякли. Самое страшное решение в своей жизни он уже принял. Он старался не думать о том, что Лёна могла решить иначе. Он не знал, как он будет жить, если её не будет. Тогда ему действительно останется только пустить себе пулю в лоб. Но сейчас он позволил себе не думать об этом. Поднялся с пола. Душевные терзания вымотали настолько, что его шатало. Под ногами хрустели свидетельства его буйства - осколки стекла, щепки дерева. Под ногами лежала разбитая настольная лампа, она стояла раньше на прикроватной тумбочке. Он любил эту лампу - купил ее, чтобы читать перед сном. Сейчас, разбитая и искореженная, она символизировала его прежнюю жизнь. Книжки оторваны от обложек, страницы залиты кровью. Он посмотрел

на свои руки - они были изрезаны. Он нашел, чем поранил руки - он разбил зеркало. Он даже выбил стекла в книжном шкафу. По состоянию рук ему показалось, что он не просто их разбил - он их комкал. Взгляд на изрезанные стеклом руки послал очередной жестокий импульс в низ живота. "Проси его! Проси! Или отрезать ему пальцы? Отрезать?!" Артем поежился от воспоминания об этом голосе. Одновременно с этим волна возбуждения прокатилась по телу. Он помнил, что было после этих слов. Лена попросила и попытка кончилась. Его тело больше никогда не будет принадлежать ему, так зачем его беречь? Что плохого в смерти, если все, что осталось - это голос в черепной коробке? Но смерти боялся именно этот голос, который больше не управлял его телом. Пассажир. Не более того. А за рулём сидит искалеченный мозг. Он решительно отбросил эти мысли. Они сейчас ему не помогали. Какой смысл пережевывать это? Он не убьет себя, он уже решил это. Он встряхнул головой. Чтобы пройти по комнате к двери, ему нужно все его внимание - он босиком. Удивительно, как не порезал ноги в приступе ярости. Он внимательно смотрел под ноги, проходя по комнате к двери, и видел свидетельства крушения всей его жизни. Разорванные и разбросанные книги. Сломанная мебель. Даже обои оторвал. Повсюду пятна крови - его крови. Наконец дверь. Достаточно насмотрелся. Он вышел из комнаты и стало как будто немного легче. Хотя бы сменил обстановку. Сначала пошел в туалет - тело, конечно, сошло с ума,

но остальные биологические потребности никто не отменял. Умылся, рассмотрел себя в зеркале. Постарел. Поседел частично. Под глазами - темные круги. Кожа нездорового цвета. Сами глаза потухшие, неживые. Увиденное в зеркале его расстроило, но не удивило. А что он хотел от человека, который провел в плену под пытками... А сколько? Он не знал. По ощущениям - очень давно, что-то около года. Аналитический ум не позволял ему скатиться в истерику. Он привык изучать детали и сейчас занимался именно этим. Зудящее желанием тело отвлекало, но он прилагал все усилия, чтобы не поддаваться. Кроме этого, в теле присутствовала слабость, но, посмотрев на себя в зеркало, он перестал об этом беспокоиться. Физическое и психическое истощение. Физическое исправить легко, психическое - невозможно, так что можно не забивать себе этим голову. Он ставил себе диагноз, как врач, отстраняясь от собственного тела и "я". Говорил, как лечить. "Голубчик, у вас тяжёлый случай. Но я знаю, как вам помочь. Простой рецепт - всего два средства. Убивайте по два человека в день и на ночь прикладывайте Лену к телу, и все пройдет."

Глава 3.

Книга содержит сцены насилия, жестокости, психологического и физического насилия, а также сцены сексуального характера. Рекомендуются к прочтению лицам старше 18 лет.

Он не спал всю ночь. Гулкая, звенящая тишина квартиры пугала его больше, чем гул трансформатора в клетке. Где-то в квартире капала вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Этот звук сводил его с ума, но он не мог заставить себя пройти по квартире, чтобы найти источник. Страх сковал его. Он вжался спиной в угол комнаты, в которой совсем недавно бушевала его ярость. Еще днем он беспрепятственно прошел в ванную. Но с наступлением темноты в его душе поселился страх.

Как только под окном проезжал грузовик, его сердце начинало пропускать удары. В темноте все эти чужеродные звуки приводили его в ужас. Он знал их в прошлой жизни. А сейчас они заставляли его задыхаться от страха. За грохотом грузовиков и собственного обезумевшего от страха сердца ему мерещились шаги.

Но хуже всего было то, что этот страх никак не помогал его телу. Каждый раз, когда его накрывала волна паники, его

тело мучительно сладко сжималось в ожидании. Внизу живота разливалось тошнотворно приятное тепло. Он пытался помочь себе единственным доступным ему способом. Но от этого становилось только хуже. Тело, ожидающее разрядки, не просто оставалось голодным. Оно начинало хотеть еще больше. Как яростное пламя, пожирающее сухую древесину. В темноте закрытых век его все так же ждала она. Просящая, умоляющая. Униженная. Сломленная. На глаза наворачивались слезы. В животе разгорался жар. И так по кругу. Без перерыва. Измученный разум отчаянно хотел спать, но его тело, одновременно сжираемое страхом и возбуждением, имело на эту ночь другие планы.

Где-то в квартире оглушительно тикали часы. Из-под кра-на в ванной капала вода. Это она сама не до конца его закры-ла, но это знание сейчас не помогало. Она так и осталась в ванной после того, как обработала рану. Темнота за дверью оказалась слишком страшной. Она не понимала, как дошла сюда. Помнила, но не понимала. Ночь принесла с собой ужас всего того, что с ней случилось.

Звонкая, гулкая тишина давила на уши. В этой тишине ей слышался гул проклятого трансформатора. Реальность сме-шивалась с воспоминаниями, и она не знала, чему верить. Ей мерещились шаги. Она не знала, реальны они или нет. Боялась издать звук и выдать свое присутствие. О том, что в ванной горит свет, она не думала.

Тело по-прежнему не служило ей. Оно требовало его. Страх подливал керосина в и без того бушующее желание. Содрогаясь от отвращения, она пыталась унять это как могла. Но становилось только хуже. Она прикасалась к своему телу словно не к своему. К незнакомому. Неизвестному. Чужому.

Лена не знала, сколько прошло времени. Сколько она уже сидит на полу в ванной, вжавшись спиной в угол. Паника душила ее, заливая кровь кортизолом и адреналином. Звуки, такие привычные в прошлой жизни, сейчас сводили ее с ума. Где-то зашумели трубы, и ее сердце чуть не остановилось от испуга. Умом она понимала, что это обычные звуки в квартире ночью, но это понимание не имело никакого значения.

Под закрытыми глазами ее встречали образы Артема из воспоминаний. Ей слышалось, как он зовет ее. Реальность больше не была надежной. Она не понимала, что реально, а что - нет.

Комнату подсветили яркие оранжевые лучи. Артем не сразу понял, что это рассвет. Мрак рассеивался, и паника, всю ночь державшая его за сердце, постепенно отступала. Глаза болели. Он всю ночь смотрел в темноту вокруг себя, чтобы не смотреть в темноту внутри. Он не мог вынести образ униженной и сломленной Лены. Знал и понимал, что не любит ее. Но его сердце разрывало от боли и жалости, когда он видел ее такой. Знал и понимал, что только рядом с

ней сможет наконец уснуть. Это была не любовь. Это была ломка. Он тысячи раз видел наркоманов в ломке, когда был на практике в наркологичке. Налоксон в его случае был нужен, чтобы усилить эту ломку. Он понимал это и от этого становилось еще хуже. Он настолько не принадлежал себе, что был бессилен. Его врачебный ум ничего не мог сделать. Эта зависимость вшита в них на уровне нейронных связей. Понимание не приносило даже иллюзию контроля над ситуацией. Прошедшая ночь расставила все на свои места. У него просто остановится сердце, если он не найдет ее. Не от тоски или любви, а от неутолимости жажды, защитой в него против его воли. Горечь наполнила рот. Он сплюнул прямо на пол. Не от безразличия - по привычке, приобретенной в клетке. Комнату постепенно заливал яркий солнечный свет. Лучи солнца играли на осколках стекла, так и оставшихся на полу. Но он не видел. Он поднялся на затёкшие за ночь ноги, посмотрел в окно. Невероятной красоты рассвет не трогал его. Буквально несколько дней назад он продал бы душу за этот пейзаж. А теперь было все равно. Его свобода оказалась иллюзией. Клетка, оказывается, была не снаружи, а внутри. Наконец утро окончательно вступило в свои права. Для Артема настала короткая передышка. Он уже понял схему - волнообразные пики и спады невыносимой телесной жажды были подчинены ритму. Скорее всего, это тоже было навязано в клетке, а налоксон просто усиливал эффект. Ощувив некоторый спад, он побежал в туалет. Раньше он никогда не думал,

что у него будут такие проблемы - он не мог нормально пописать. Физическое возбуждение было настолько сильным, что он просто не мог расслабить мышцы, чтобы опустошить мочевого пузыря. И это было совсем не смешно. Ему было больно. Это было продолжением его пытки. Но даже это не принесло ему никакого облегчения. Больше не давит и не больно, всё. Он фиксировал в своей голове все то, что больше не приносит удовольствия. Даже мимолётного. Словно его рецепторы больше не реагируют на нормальное наслаждение. Впрочем, почему "словно"? Он почти наверняка знал, что так и есть. То, что они переживали раз за разом в клетке, переучило их лимбическую систему. Она больше не может воспринимать человеческие дозы эндорфинов. Только нечеловеческие. А нечеловеческие обеспечивает имплант в его мозге. Если удалить имплант, то даже этого не будет. Ничего не изменится, только он навсегда потеряет способность чувствовать удовольствие. Не только от секса. Любое. Вообще любое. Без дополнительной стимуляции его мозг не сможет работать. Эти знания постепенно оформлялись у него в голове в слова. Он знал. Он помнил. Он мог анализировать все произошедшее с ними. Но эти мысли все глубже погружали его в пучину отчаяния.

Пространство за пределами ванной светлело. Сначала мрак стал синим, потом серым. А потом вовсе рассеялся. Звуки, всю ночь терзавшие ее и без того измученное со-

знание, перестали иметь власть над ней. Они словно стали тише. Она смогла наконец пошевелиться. Тело затекло и ныло. В глаза словно насыпали песка. Адское возбуждение, всю ночь пожиравшее ее тело, как будто стало слабее. Не исчезло совсем, нет. Оно не могло исчезнуть. Но сейчас оно перестало быть единственным. Она ощутила в теле иное. Прислушалась. Поняла, что мочевого пузырь сейчас лопнет. Туалет - вот он, в шаге. Ужас был в том, что она не могла. Не могла расслабить мышцы где-то в глубине себя. Приложив усилие, через боль, она смогла наконец пописать. Но облегчения не наступило. Факт - больше не хочется. Всё. Ноги гудели от долгого сидения на полу. Одежда была мокрая от липкого холодного пота, прошибавшего ее в течение ночи тысячи раз. Она выглянула из ванной в коридор. В лучах солнца плавали тысячи светящихся пылинок. Но это зрелище не вызвало у нее никакой реакции. Она видела только свет, в котором больше не было ужаса. Временная передышка. Она вышла из ванной и поняла, что совершенно не ориентируется в квартире. Не могла вспомнить, куда ведут двери. Тишина, казалось, таит в себе опасность. Внезапно ее нос различил в воздухе что-то знакомое. Настолько знакомое, что сердце забилося в груди, руки пробила дрожь. На спине снова выступил холодный пот. Зрачки сузились, в глазах поплыло. Одновременно тело снова мучительно полоснуло возбуждением. Этот запах. Одеколон того, кто сделал это с ними. Он был едва уловим. Если бы ее тело не дало ей крохотную

передышку, она бы не заметила. Она застыла в напряжении, грозившем сломать ее кости. Дыхание стало поверхностным, прерывистым. Настороженно прислушивалась к тишине. Ни звука. Ни движения. Только пыль в лучах рассветного солнца. Прошло несколько долгих минут. Тело пульсировало, в ушах грохотало сердце. Ничего не происходило. Тишина. Она медленно повернула голову в сторону приоткрытой двери. Вот откуда в коридоре был свет. Она не помнила, была дверь открыта или нет, когда она шла в ванную. Ей не пришлось в голову взять в руку ножницы для самозащиты. Она была сломана так глубоко внутри, что даже не думала о том, что может попытаться защитить себя. Запах пробуждал, кроме пламени желания, ещё и воспоминания. Ей слышались гулкие шаги по бетонному полу. Ум понимал, что пол в ее квартире не бетонный, но логика была парализована. Она не понимала, эти шаги - они реальны или нет. "Не спать! Подъем! Не спать!" - кононада ударов металла о металл. Хохот. Она слышала этот грохот как наяву. Тело сжалось в ожидании удара и одновременно посылало мучительные импульсы в низ живота. Она не могла даже упасть. Застыла, задыхаясь от ужаса, на пороге ванной. Перед глазами все смешалось - коридор квартиры, бетонный пол в клетке, грохот металлических ударов, гул трансформатора, удары сердца. Постепенно она привыкала к запаху. Чем дольше она его ощущала и ничего не происходило, тем менее яркими были видения и воспоминания. Сердце ещё колотилось, руки ещё дрожали, пот

ещё стекал струями по лицу, но зрение становилось ясным. Как муха в смоле, она начала двигаться. С усилием, через онемение, через вязкий страх. Инстинктивно она пошла в сторону приоткрытой двери. Не решала. Не выбирала. Тело само пошло туда.-----Аналитический ум Артёма держал его в сознании. По старой врачебной привычке он анализировал все, что с ним происходило. Он отстранённо наблюдал, как его тело снова начинало требовать ее. Все это причиняло ему страдания, но он мог отойти от них в сторону. Не далеко. Не настолько, чтобы ничего не чувствовать. Но все же так было хоть немного, но легче. Он постоянно крутил в голове фрагменты своей статьи о киндлинге. Как будто там было что-то, что могло помочь. Он знал, что не было, но не мог перестать. Это было лучше, чем снова видеть измученную Лену. Чем снова слышать её полный боли крик. Его ум жевал жвачку. Он бесцельно бродил по квартире. Он знал, что это его дом, но не узнавал его. Не помнил, где что лежит. Логика подсказывала, что в шкафу, скорее всего, лежит одежда. Но он не помнил, какая. Он не знал, что любит. Какую еду. Какие напитки. Часы в комнате показывали 5:47 утра. Рассвет был где-то в 4:30. Он не помнил, во сколько вставал раньше. Его память хранила в себе разрозненные осколки. Он помнил киндлинг и импланты. Наверное, потому, что это случилось с ним. Привычка анализировать сохранила это. А одежда, как прошлая его жизнь, принадлежала тому, кто умер в клетке. Поэтому он не помнил ее. Но и любопытства это у

него не вызывало. На старую жизнь не хотелось смотреть так же, как на ампутированную конечность. Он бродил и бродил, словно не мог остановиться. Очень хотелось спать, но он не мог себе этого позволить. Сон не принесёт покоя. Он снова увидит Лену и снова проснется от страха и голода по ней. Нет, решил он. Он не будет спать, пока не свалится от усталости. Ноги привели его к двери на кухню. Она была приоткрыта. Он машинально толкнул дверь от себя и на него пахнуло одеколоном. Таким знакомым, что тело отреагировало быстрее, чем ум. Он инстинктивно сжался, врезался спиной в стену. Сердце забилося. Тело пронзила вспышка желания. Глаза защипало от света. Ноги задрожали. Он в точности помнил, что происходило, когда входил человек, которому принадлежал этот запах. Боль. пытки. Страх. Тот, кто сделал это с ними, пугал их в темноте, колотя по прутьям их клетки куском арматуры. Они просыпались от грохота и ужаса. дезориентированные в темноте, они не знали, где источник. Вспышки воспоминания заслоняли собой реальность. Он слышал эти удары как наяву, слышал шаги между ударами. То там, то здесь. Не знал, куда спрятаться. Он видел свет из-за двери, но слух продолжал пробуждать темноту воспоминания. Он вспомнил, что там, в клетке, считал удары. Инстинктивно, не осознавая. Как пульс. И сейчас тоже начал.

Один.

Два.

Три.

Четыре.

Счёт вернул его в реальность. Воспоминание растаяло мгновенно, даже внезапно. Неожиданно. Словно не было. Тело все ещё содрогалось от страха, желания и ожидания. Он все ещё ощущал запах. Он решил считать. Хоть что-нибудь. Удары сердца, шаги, вдохи. Зацепился за счёт, как за соломинку. Он не помогал от страха, но помогал немного отвлечься от него.

За дверью оказалась залитая солнцем кухня. Пустая, безжизненная. Знакомая, но очень отдаленно. Словно он видел ее когда-то в кино. Пыль летала в лучах света.

Запах одеколona витал в воздухе, но никого не было. Артём стоял на пороге и настороженно всматривался. На глаза попался стол. Абсолютно пустой, за исключением коричневого бумажного конверта. Этот конверт не внушал ему доверия, но игнорировать его он не мог.

Лена толкнула дверь. За дверью была кухня. Каждый предмет в отдельности казался знакомым, но общая обстановка создавала впечатление чужой. Стол. Его она тоже выбирала когда-то давно, в прошлой жизни. Он был единственным, в чем они с мужем сошлись в мнениях. Однако это воспоминание о муже и прошлой жизни больше не вызывало никаких эмоций. Как старое второсортное кино. На столе конверт. Большой, коричневый. Бумажный. Запах одеколona исходил от него, она точно поняла это, приблизившись.

Страх не отступал ни на минуту. Ничего хорошего это предвещало. Она вспомнила, как ночью ей мерещились шаги. По спине пробежал холодок - кажется, не мерещились. Она похолодела. Если тот, кто сделал это с ними, был здесь ночью, то она нигде не в безопасности. Она обернулась в дверной проем. Никого. Тишина. Снова посмотрела на конверт. Если это он оставил его, то зачем? Неужели ему мало того, что он уже сделал с ней? С ними? Она вспомнила Артема и тело снова заняло желанием. Это мешало сосредоточиться.

Конверт притягивал внимание. Она хотела бы не открывать его, но что-то внутри побудило ее взять его в руки. Не слишком тяжёлый. Внутри что-то есть. Борясь со страхом от запаха, она дрожащей рукой вскрыла его. Заглянула. Деньги и что-то ещё. Какая-то бумага. Много денег. Осторожно вытряхнула все на стол. Купюры перетянуты резинкой для волос. Ее резинкой. Под резинкой записка. "Спасибо за участие". К горлу подступила тошнота. Мир, который с таким трудом она собирала по частям, снова разбивался на осколки. Он благодарит ее за участие? За то, что она не выбирала? За месяцы в плену? За пытки? За что ещё? Она швырнула деньги прочь. Глаза залили слезы. Зачем он это делает? Зачем продолжает мучить ее? Фотографии и листы бумаги с текстом. Она взяла фотографии. Хуже уже просто не может быть, решила она. И ошиблась. На фотографиях была она. На большинстве - без сознания после пыток. Некоторые - крупными планами с камеры наблюдения в их клетке. Как

она занимается сексом с Артёмом. Как она душит человека удавкой. Тело сжалось в ожидании награды. Она хотела бы думать, что на фото - не она. Но тело, жадно впивавшее каждый образ и распялявшееся жаром желания, не оставляло надежды. Слезы продолжали литься из глаз. Она смотрела фотографии одну за другой. Хроника ее пыток. Хроника её падения. Одна из фотографий выделялась - какое-то здание. Она всмотрелась, но ничего особенного не увидела. На вывеске написано "Бар Электро". Она не помнила, чтобы когда-то была в этом месте. Но теперь она не могла полагаться на свою память. Бросила фотографии на стол. Закрыла лицо руками. Внутри метались мысли, как птицы по клетке. Зачем? Зачем все это? Зачем он мучает ее? Этими фотографиями, этими деньгами. Этими издевками. Неужели ему мало того, что он уже сделал с ней? Что он уже лишил ее всего? Жизни, мужа, достоинства, человечности, тела. Сколько ещё она должна потерять прежде, чем он утратит к ней свой интерес?

Чтобы хоть что-то делать, она взяла в руки листы. Это были ксерокопии с какого-то документа. Она всмотрелась в первую запись, и лист выпал у нее из рук. Она вскочила на ноги и попятилась, мотая головой в разные стороны и говоря "нет, нет, нет, ты не посмеешь, ты не заставишь меня читать это!" А её тело сладко сжалось в ожидании награды за перенесенные страх и боль.

Артем вскрыл конверт. Не мог не вскрыть. Сердце пропускало удары через один. Он считал. Тело сводило его с ума. Оно предвкушало награду за страх, который он испытал, учуяв запах одеколона. Он старался игнорировать, но это давалось ему слишком тяжело. Деньги. Перевязаны резинкой для волос. Слишком знакомая, чтобы остаться незамеченной. Резинка Лены. Та, которая была с ней в плену. Под резинкой записка: "Спасибо за участие. Вы превзошли мои самые смелые ожидания, доктор". Артем смотрел на эти слова и не мог понять их значения. Спасибо? Он благодарит его? За что? За участие в пытках в качестве жертвы? Он заплатил ему? Разве деньги могут искупить это? Его трясло от ярости. Отложил деньги в сторону. Он уже догадывался, что найдет на фотографиях. И не ошибся.

Он после пыток. Лена после пыток. Секс с Леной. Он душит женщину, сидя на ней сверху. Снова секс. Пытки. Фото возбуждали его. Болезненно, невыносимо. Он яростно сжал зубы. Нет. Он не будет реагировать на это. Одна фотография выделялась - бар "Электро". Он никогда не был в нем. Внимательно осмотрел фотографию, но ничего необычного не заметил. Просто бар. Хотя название, конечно... Артем понимал, что это тоже издевка. Отложил фотографии. Он рассматривал их как врач. Отстраняясь от сути. Деньги, фото - это как анализы. Нужно понять значение, чтобы поставить диагноз. Нетронутыми остались только большие листы А4. Какие-то копии. Он взял лист и начал читать. Глаза расши-

рились. Руки затрясло так, что лист ходил ходуном.- Этого не может быть, - онемевшими губами пробормотал Артем, - не может быть.

"Этап 0. Отбор.

1. 02.04.2023 г.

Из 47 амбулаторных карт выделяю две. Идеальные кандидаты. Один - мужчина, 32 года. Выраженная фокальная эпилепсия с экстатическими аурами, ярко выраженный очаг в передней инселе. Вторая - женщина, 28 лет. Спонтанная электрическая активность в правой миндалине."

Артем не мог поверить своим глазам. Он держал в руках копии записей их пыток и эксперимента над ними, за который их благодарил деньгами тот, кто это с ними сделал. Он начал судорожно перебирать листы, вчитываясь:

" День 1-14. Первичная депривация.

Объекты изолированы... Первые 5 дней - отказ от пищи... Полная утрата инициативы...

День 15-30. Пытки как формирование рефлекса...

Электрическая стимуляция... реакция - крик... к 20-му дню - стоны... неподвижность в ожидании...

День 31-45. Депривация сна и голод...

Лишены возможности... Глубокого сна... Вес уменьшился... Упошение аффекта...

День 46-55. Разрушение...

...Элементы унижения... Исключить... Сохранение лица..."

Он наткнулся на запись, от которой из груди вырвались рыдания. Он помнил. И ненавидел себя за это. Проклятое тело от этого воспоминания просто взбесилось:

"День 56. Первое принуждение...

...Истощены... 18 мА, 5 секунд... Привести к смерти... Команда на секс... Умрет через 5 минут..."

Артем не мог читать. Слезы лились ручьем. Он помнил, что сделал. Из груди вырвался горестный вой. Он просил у нее прощения, но сам себя никогда не простит. И она не простит.

"У него не вставал. И не мог встать в этой ситуации. Она лежала на полу, измученная пытками настолько, что не могла шевелиться.

- Стимулируй. Если эрекции не будет, я увеличу ток. У тебя есть одна минута. Ты знаешь, что делать.

Он не мог не выполнить приказ. Ее убили бы. Он не мог позволить ей умереть. Не так. Не здесь. Он подчинился. Разогнал себя руками. Вошел в нее. Она плакала. Тихо, горько. Он тоже плакал. Он никогда раньше не плакал. Но сейчас, насилуя эту женщину ради спасения их жизней, по приказу сумасшедшего маньяка с проводом в руке, он плакал."

Его слезы не отменяли того, что он сделал. Он мог умереть. Она могла умереть. Лучше бы они оба умерли тогда, там, в этой грязной клетке.

"День 60. Выводы.

Первичный разлом личности достигнут. Объекты лише-

ны инициативы, способности к сопротивлению и моральный ориентиров. Последующее формирование рефлекса будет проводиться с использованием метода поощрения и наказания."

В этот раз он был в шаге от собственной смерти. Он занес нож над своим запястьем. Он почти вскрыл вены. Но не смог. Он сполз на пол и зарыдал. Сказать, что он ненавидел себя за то, что сделал с Леной, - это ничего не сказать. Он хотел убить себя. Но не мог.